

**KRECH, H. TYRELL (HRSG.). RELIGIONSSOZIOLOGIE UM 1900.
V.WUERZBURG. 1995. 377 S.**

В советское время социология религии оказалась "не востребовавшей" из-за "пережиточного" характера ее объекта и практически была сведена на нет, а в постсоветской России она не успела обрести второго дыхания. Не процветает эта наука и за рубежом, где религия "пережитком" не считается. Зарубежные исследователи констатируют, что динамика религиозной жизни, характерная для современного мира, не получает адекватного отражения в социологической мысли. Действительно, в последнее время роль и место религии в жизни личности и общества существенно изменились по сравнению с предшествующими десятилетиями. Возникла настоятельная потребность в научном, в том числе и сугубо социологическом осмыслении данного феномена.

Не только в отечественной, но и в западноевропейской социологической литературе отсутствует анализ материалов, касающихся такой важной сферы общественного бытия, как церковная жизнь, религиозные движения, секты. Как правило, авторы фрагментарно описывают жизнь в аршамах и мини-сектах, причем доминирует успокоительный рефрен. В частности, отмечается, что они мало кому доставляют беспокойства в силу удаленности от больших индустриальных и политических центров. Нестораживает и то обстоятельство, что основная масса приверженцев сект — молодежь. Так, тема религии в недавнем глобальном исследовании молодежи по заказу журнала "Шпигель" ограничилась вопросом о личности Иисуса Христа. Между тем и невооруженным взглядом видно: налицо возникновение агрессивных культовых образований с принципиально новыми организационными и даже техническими структурами. Примеры только секты "Аум синрике" и политизированных исламских сект убедительны. Не претендующий на теоретические глубины немецкий еженедельник "Цайт" кажется более проницательным: "Радикальные идеи секты "Аум" — это часть молодежной культуры".

Редакторы рецензируемой книги начинают с констатации неудовлетворительного положения в данной сфере социологии, нелестно называя его "зимней спячкой". Была даже распущена секция социологии религии в Немецком социологическом обществе. По инициативе В.Креха и Х.Тюреля сделана попытка ее реанимировать. В 1993 году в Висбадене состоялась конференция "Социология религии и анализ положения религии в Европе на рубеже веков". Ее материалы и составляют содержание книги. Авторы и издатели хотят возродить социологию религии с самого ее начала и фундаментально — ab ovo. Потому рубеж веков для них отнюдь не сегодняшний, а лежащий на грани XIX-XX столетий, когда возникла социология религии. Не случайно статья Креха и Тюреля о положении социологии религии в 1900-х годах имеет подзаголовок "К предыстории, контексту и структуре субдисциплины социологии". К ней примыкает и более детальная статья Тюреля относительно научного статуса социологии религии и связи религии и государства в Германии в указанный период.

В книге правомерно отмечается, что социология религии изначально стала международным научным явлением, а не узко национальным — немецким — достоянием. Так, Эмиль Дюркгейм работал параллельно и независимо от своих коллег в Германии, прежде всего Макса Вебера. Позиция французского социолога рассматривается в трех статьях и, соответственно, в трех аспектах: с точки зрения выяснения "незыблемости" ее внутренней логики, с точки зрения теоретической "общности" и даже заимствований Дюркгеймом ряда идей из немецкой социологии и с точки зрения отражения в социологии религии Дюркгейма и его концепции морали идейно-политических катаклизмов "Третьей республики". В результате читатель получает развернутую и полную характеристику воззрений и противоречий Дюркгейма в области социологии религии, характеристику, которая сложилась на основе, пожалуй, самого большого числа первоисточников. Достаточно упомянуть приведенные здесь, наряду с главными трудами, малоизвестные публикации и рецензии Дюркгейма из старых философских журналов. На наш взгляд, в дальнейшем было бы весьма любопытно сопоставить религиозно-социологические идеи Дюркгейма и Питирима Сорокина, приблизительно в те же годы разрабатывавшего свою концепцию социологии религии. Результаты такого сопоставления удивили бы многих.

Русская тема в книге все же есть. Автор ряда работ по истории русской философии (и ее связи с немецкой) на рубеже XIX-XX веков Трейбер остается верен своему старому исследовательскому интересу: его статья "Макс Вебер и русская философия истории" тяготеет к многоаспектной теме "Вебер и Толстой". Статья написана остро,

проблематично и даже провокационно. Так, вторая ее часть названа "Приглашение к мысленному эксперименту" и предлагает несколько возможных трактовок славянофильского дилетантизма в свете идей Вебера о западноевропейском рационализме. "Дух русской религиозности" в его влиянии на практику жизни России автор статьи предлагает рассмотреть в истории идей от А.С.Хомякова до П.Н.Милюкова. Кроме того, он дает отражение этих идей в немецкой социально-религиозной мысли. Для читателя в России, ныне усиленно изучающего ее духовно-религиозное и историко-философское наследие, эта статья дает много нового материала.

Разумеется, большое место в книге уделено процессу формирования немецкой социологии религии. Речь идет о концепциях Макса Вебера, Эрнста Трельча, Георга Зиммеля и Фердинанда Тенниса. Казалось бы, соответствующие взгляды этих теоретиков хорошо известны. Однако исследователи "идут на глубину" и выявляют весьма важные для социологии религии срезы их научно-политических воззрений. Так, В.Граф находит в "Протестантской этике" Вебера скрытые теологические установки, влияющие на то, как он трактует связь между религией и экономикой, а Х.Тюрель с привлечением обширной современной комментаторской литературы обнаруживает у Вебера обычно плохо артикулируемые темы свободы совести, прав человека и веротерпимости. Эти темы Тюрель связывает с "культуркампф", проводимой Бисмарком на религиозной почве, и показывает сложное отношение Вебера к действиям канцлера. Открывается и новый аспект понимания Вебером религии: в XX веке она не может взять на себя задачу переустройства жизни, ее истины далеко не всегда являются императивами человеческих действий. Можно указать на ряд просчетов в этой добротной и по-немецки точно выверенной книге. Например, отсутствует анализ социально-религиозной практики Ф.Наумана и А.Гере. Их деятельность дана в свете ее оценок Вебером (S. 57-59), а этого явно недостаточно. Кроме того, интересная статья Г.Йонаса о связи американского прагматизма с европейской социологией религии требует дополнения, которое, к сожалению, отсутствует. В целом же эта полезная и умная книга помогает понять основные проблемы и направления европейской социологии религии на важном этапе ее самоопределения, закладывает фундамент для современных исследований положения и роли религии в обществе.

Н.С.ГОРДИЕНКО,
доктор философских наук, профессор
Р.ШПАКОВА,
доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет